

это уникальная форма научного сотрудничества социологов в масштабах всей страны. Ни в одном регионе России нет ничего подобного, и это делает каждую новую встречу исследователей социальных проблем важным событием в жизни профессионального социологического сообщества.

УДК 316.1(09)

Г. Е. Зборовский

ПОЧИТАЯ СТАРОЕ, ОБРЕТАЕШЬ НОВОЕ, ИЛИ НУЖНА ЛИ СОЦИОЛОГУ ИСТОРИЯ ЕГО НАУКИ*

Доказывается необходимость историко-социологического анализа как неотъемлемого компонента социологического исследования и обучающих практик. Анализируются два противоположных подхода к классическому социологическому наследию.

Ключевые слова: история социологии, классики социологии, историко-социологическое знание.

На первый взгляд постановка проблемы представляется абсурдной: может ли нормально работающий в науке, в частности в социологии, человек отрицать необходимость изучения и знания ее истории? Вопрос, казалось бы, риторический. И все же не будем торопиться с ответом.

В самой постановке проблемы выражено стремление сформулировать отношение к прошлому социологии, другими словами — к истокам и классикам социологической науки. Есть две принципиальные позиции в этом вопросе. Одна ведет начало от идеи английского философа Альфреда Уайтхеда, который в 1917 г. утверждал: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена» [7, 115]. Из этого следует, применительно к социологии, что постоянное обращение к ее классикам, стремление не забыть Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера и др., активно использовать их идеи сегодня обрекает эту науку на гибель.

Вторая позиция противоположна по своему отношению к истории социологии и — коротко — сводится к необходимости постоянного к ней внимания и ее изучения. Разумеется, имеются и промежуточные точки зрения, одни из которых ближе к первой, другие — ко второй позиции. Но на них, в силу ограниченности научной задачи, мы здесь останавливаться не будем.

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

© Зборовский Г. Е., 2013

Обратим внимание на то, что положение Уайтхеда было сформулировано на рубеже двух этапов в развитии социологии — классического и современного, когда еще не только были живы, но и активно работали Дюркгейм, Зиммель, Вебер, Теннис. Разумеется, оно не имело прямого отношения к социологии. Но Уайтхед был слишком крупной фигурой в философской науке, чтобы его суждения оказались незамеченными.

На новом этапе развития социологии, связанном уже с появлением эмпирической социологии, перед ее представителями возник вопрос: как относиться к максиме Уайтхеда? Один из ответов на него недвусмысленно продемонстрировал Парсонс, когда построил свою классическую работу «О структуре социального действия» (1937) на комбинации идей Дюркгейма, Вебера, Парето. Тем самым было показано отношение к истории социологической науки — глубоко уважительное и базирующееся на понимании важности использования ее прошлых достижений.

Хотелось бы привести интересный фрагмент из названной выше работы Парсонса: «Многие ли нынче читают Спенсера? Нам сейчас трудно понять, насколько большой интерес вызывали идеи Спенсера в его время... Очевидно, что существуют определенные причины как того, что идеи Спенсера забылись скорее, чем идеи других мыслителей, так и того, почему Спенсер в свое время возбуждал общий интерес» [4, 43].

Авторитет Парсонса в последующем оказался настолько велик, что среди крупных социологов-теоретиков ни у кого не появлялось сомнения в необходимости изучать и применять идеи классиков. Такое отношение к ним было характерно прежде всего для учеников Парсонса, как ранних, так и поздних, — сначала для Р. Мертона, Н. Смелзера, Г. Гарфинкеля, затем — для Дж. Алксандера и др., а также для А. Гоулднера, Ч. Р. Миллса и т. д. Блестящие образцы бережного отношения к классикам и истокам социологии демонстрировал в свое время П. Сорокин.

В последней трети прошлого столетия резко возрос интерес к Марксу и Веберу. Он был вызван разными причинами. К первому — из-за кризиса и крушения мировой системы социализма, а также в связи с системным анализом капитализма, который продемонстрировал Маркс. И даже его ошибки и противоречия, а также «двусмысленности» Марксовой социологии, как называл их Р. Арон, не уменьшили интерес к его творчеству. Что касается усиления внимания к М. Веберу, то оно было связано с поиском путей реанимации интереса к труду. В ряде западных стран, в первую очередь в США, наблюдалось падение (или западение) этого интереса, и возникал вопрос: нельзя ли найти у Вебера какие-либо теоретические рецепты (вроде активизации протестантизма) относительно решения этой проблемы?

Такое бережное отношение к истории социологии и ее основоположникам имело место вплоть до появления социологического постмодернизма, который, как известно, характеризовался негативной реакцией на прошлые достижения социологической науки, на ее классиков. И даже Ж. Бодрийяр, по образованию социолог, испил из этой чаши отрицания классической социологии.

В целом же теоретическая социология сохранила, вплоть до настоящего времени, позитивный настрой относительно классического наследия, особенно когда речь заходит об идеях Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера.

Но социология — не только наука в ее, так сказать, теоретической ипостаси. Есть еще и практическая деятельность социолога, и эмпирические социологические исследования, и социологическое образование (как минимум, на уровне бакалавриата). В этих же сферах социологической деятельности положение дел несколько иное. У людей, включенных в них, нет непосредственной потребности в глубоком знании истории социологии. Как писал известный польский историк социологии Шацки, «...труды классиков перестали быть непосредственно полезными для среднего социолога. Для проведения исследований в специальных областях социологии не нужно читать объемистые труды, часто заумные и полуфилософские по природе, написанные Марксом и Спенсером, Зиммелем и Вебером, Мидом и Знанецким. Для исследований достаточно уметь пользоваться новым справочником, стандартными техниками и современными теориями среднего радиуса действия» [6, 360].

Как же тогда учить будущих социологов? Насколько фундаментально знакомить их с прежними достижениями социологической науки? Как вообще формировать социологическое мышление? На какое знание опираться?

Именно в названных выше сферах деятельности социологов и стали возникать призывы отказаться от изучения классиков, призывы, которые до сих пор находят значительную поддержку среди целого ряда социологов, включая и преподавателей университетов, и их студентов. Американский социолог Дэвид Паркер в статье «Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s» (примерный перевод: «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом? Изучая социологию в 1990-е»), ссылаясь на мнение своих студентов, заявляет, что тексты классиков социологии сегодня мало актуальны, что они сложно написаны и трудно читаемы вследствие незнания особенностей времени и места их появления и т. д. [5, 122–146]. Представляется, что если бы мы сегодня попытались выявить мнения наших студентов относительно изучения классиков социологии, то получили бы примерно такие же ответы. (Но вообще интересно было бы провести исследование среди студентов-социологов на эту тему.) Значит ли это, что классиков не нужно изучать?

Вернемся к приведенной выше своеобразной максиме Уайтхеда. По существу, за ней скрывается мысль о том, что науке не следует все время повторять как заклинание ранее открытые знания. В суждении английского философа нашла свое отражение также мысль о том, что наука не должна воспроизводить старое знание, не должна его повторять, ее задача — создавать новое знание и тем самым двигаться вперед. Это, безусловно, верно в том плане, что наука является прежде всего творчеством и означает рождение нового знания. Поэтому в приведенной выше цитате есть зерно истины.

Но не менее верно и противоположное суждение (высказанное в полемике с А. Уайтхедом), которое представляется необходимым здесь привести и которое мы полностью разделяем. Оно принадлежит А. Б. Гофману, известному отечественному историку социологии: «...наука, забывшая своих основателей, также

обречена на гибель. Вот почему она нуждается в собственной истории, которая является своего рода биографией, коллективной памятью науки» [1, 17].

Очевидно, что в приведенном высказывании — суть второй позиции, которая противостоит сформулированной выше точке зрения. Мы исходим именно из этой позиции, и прежде всего потому, что она позволяет рассматривать преемственность социологии и перспективы ее развития с учетом прошлых достижений.

Есть еще более крайние точки зрения относительно роли историко-социологического знания. Так, Н. Ю. Матвеева полагает, что с его помощью можно преодолеть кризис социологической науки. Для этого нужно обратиться к принципиальной схеме М. Вебера «о сущности социального, как особой сферы бытия, заключающей единство мира фактов и мира ценностей через смысловое отношение индивидов к миру», и переосмыслению теории социальных фактов Э. Дюркгейма в русле понимания того, что они заключают в себе ценностные идеи, или идеи социальных явлений. Она пишет: «Исходя из этих постулатов и с опорой на методологию классической социологии, необходимо выстроить логически стройную систему научной социологической методологии. Сам по себе возврат науки к своим истокам призван найти общую почву для многочисленных теорий и подходов и общее видение дальнейшего движения» [3, 126].

Позиция Н. Ю. Матвеевой вполне понятна: преодоление кризиса в социологии и ее дальнейшее развитие возможно лишь за счет возвращения и обращения к истокам этой науки. Вряд ли можно согласиться с однозначностью и категоричностью такой позиции. Ее можно было бы принять в лучшем случае в качестве одного из пунктов решения проблемы кризиса, но не более того. Конечно, это не панацея от всех бед современной социологии и не единственный выход из кризиса. Есть и иные варианты и пути развития социологического знания, которые нельзя игнорировать.

Но дело даже не в этом, или не только в этом. Что нужно знать (изучать) в истории социологии и как это делать? Вот, с нашей точки зрения, вопросы, на которые следует ответить в первую очередь. А следующие за ними вопросы, логически вытекающие из предыдущих, — кому и для чего нужна история социологии? Ответы на поставленные вопросы не просты, поскольку требуют дифференцированного подхода к разным группам людей, занятым в сферах социологической науки и практики или просто изучавшим (изучающим) социологию.

Начнем с первого вопроса. К истории социологии можно относиться по-разному: считать ее разделом (частью) социологической науки в целом, знание которого необходимо для тех, кто ее изучает; рассматривать ее освоение как элемент социологического мышления и социологической культуры; видеть в ней предмет собственной профессиональной деятельности (спрос на которую, к сожалению, резко упал в последние годы). Известный древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан говорил: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит оставаться всю жизнь ребенком». Перефразируя Квинтилиана, мы могли бы утверждать: не знать историю социологии — значит оставаться в этой науке всю жизнь ребенком, не стать по-настоящему зрелым, профессиональным социологом.

Но нам представляется, что овладение знанием истории социологии не должно быть в подавляющем большинстве случаев самоцелью. Так же как «*Historia est magistra vitae*» (в переводе с латыни — история есть учитель жизни), история социологии тоже выступает учителем жизни (может быть, даже еще большим, чем просто история, учитывая специфику предмета и функций социологии). Это означает на практике, что знание ее должно способствовать осмыслению проблем, имеющих значение в современном обществе. Мы зачастую недооцениваем вклад наших великих предшественников-социологов в осмысление многих жизненно важных вопросов, волнующих сегодня все общество. Нередко вообще выступаем «Иванами, не помнящими родства».

Возьмем лишь один пример из близкой нам всем области — образования. Более 70 лет назад известный немецкий социолог К. Манхейм создал очень емкую и многообразную концепцию образования, в которой нашлось место не только школьному (общему), но и профессиональному, в том числе социологическому, образованию и которая до сих пор мало и плохо известна и социологам, и педагогам. Между тем он одним из первых сформулировал и разработал, причем достаточно детализировано, идею непрерывного образования как образования, проходящего через всю жизнь человека [2, 461–498]. У нас же в 1970-е гг. с большим успехом, как доказательство подлинного творчества, защищались докторские и кандидатские диссертации, посвященные непрерывному образованию, причем, разумеется, без ссылок на Манхейма. И это касалось как социологии и философии, так и педагогики и образования.

Еще один пример касается социально-педагогической проблемы успеха, которая рассматривается в целом ряде трудов педагогов. Однако ни в одном из них не содержится даже ссылки на парадигму обмена и работу Дж. К. Хоманса «Социальное поведение, его элементарные нормы» (1961), посвященную этой парадигме. Одна из глав этой книги так и называется — «Общие положения теории обмена». В ней содержится изложение основных аксиом (постулатов) этой теории, а понятие «успех» является таким же ключевым, как и понятия «вознаграждение» (награда), «ценность», «наказание», «одобрение», «лишение», «поведение» и др. Первая аксиома называется аксиомой успеха и формулируется так: чем чаще соответствующие действия людей получают вознаграждения, тем вероятнее, что эти действия будут осуществляться ими с определенной частотой и дальше. В педагогических работах по проблеме успеха многие их авторы строят свои концепции на этом тезисе, разумеется, применительно к воспитанию детей, но не ссылаются на Хоманса, что реально выступает как плагиат.

Примеры такого рода можно бесконечно множить, доказывая тем самым, что, во-первых, мы плохо знаем историю своей науки, во-вторых, даже «не заглядываем» в смежные отрасли знания (например, педагоги — в социологию), в-третьих, зачастую просто занимаемся плагиатом (не догадываясь об этом). Отсюда следует несколько выводов:

1. Необходимо изучение и знание не только истории социологической науки в целом, но и истории разработки ее конкретных проблем.
2. В ходе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ

нужно требовать от студентов обязательной разработки и написания соответствующего историко-социологического раздела по теме исследования.

3. Столь же важным следует считать обращение к смежным с социологией отраслям знания. Такое обращение является хорошей предпосылкой перехода от предметного к междисциплинарному и, стало быть, проблемному исследованию, в чем социологическая наука явно нуждается и где содержится один из важных ресурсов ее развития.

Следующий вопрос: как изучать историю социологии? По нашему мнению, только на основании чтения первоисточников. Сегодня они широко представляют все основные социологические метапарадигмы, парадигмы и теории. Как бы хороши ни были отдельные учебники по истории социологии, они ни в коей мере не могут заменить чтения первоисточников. Благо, что сегодня есть переводы на русский язык сочинений (или фрагментов из них) практически всех крупных зарубежных социологов XIX–XXI вв. Здесь можно провести параллель с изучением истории философии, где требуется обязательное прочтение работ всех ее крупных представителей, начиная с античности. В истории социологии объем материала намного меньше, тем более необходимо его изучение.

Вообще же в социологии ситуация особенная: реально история социологии и есть сама социологическая наука, поскольку знание первой предполагает, так или иначе, наличие представления о том, что такое собственно социология. Более того, в социологической науке есть точка зрения (она принадлежит английскому социологу Э. Гидденсу), согласно которой современная социология восходит к началу XIX в. и охватывает тем самым эпоху капитализма. В связи с нашей постановкой вопроса о соотношении истории социологии и социологической науки в целом это значит, что история социологии есть лишь определенный срез социологической науки в целом, совпадающий с ней хронологически, но отличающийся постановкой, характером и способом рассмотрения проблем.

Наконец, вопрос о том, кому и для чего нужна история социологии. В силу своей очевидности ответ на него может быть достаточно лаконичным. Любой социолог принадлежит к группе интеллектуальных слоев общества и, следовательно, по определению должен быть как минимум культурным человеком, что предполагает знание как истории в целом, так и истории своей науки. Тем более что речь идет о такой науке, история которой чрезвычайно близка к истории общества.

Что дает это знание? То же, что дает владение определенным капиталом и ресурсом. Историко-социологическое знание, если оно имеется у социолога, выступает его интеллектуальным и культурным капиталом и таким же ресурсом. А дальше все зависит от того, как субъект этого знания сумеет им распорядиться, превратить в другие виды капитала и ресурсов.

1. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

3. Матвеева Н. Ю. Современная социологическая наука. Возвращение к истокам // Социол. исслед. 2012. № 5. С. 350–374.

4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
5. Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // The Sociological Review. 1997. Vol. 45, № 1. P. 3–204.
6. Szacki J. The History of Sociology and Substantive Sociological Theories // Bottomore T., Nowak S., Sokolowska M. Sociology, the State of the Art. L., 1982. P. 117–126.
7. Whitehead A. N. The Organization of Thought, Educational and Scientific. L., 1917.

Статья поступила в редакцию 7.05.2013 г.

УДК 316.722 + 316.73 + 398.22

К. М. Ольховиков
С. В. Ольховикова

АКТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВОВ И МИФОВ*

Статья посвящена анализу мифа в контексте социальной регуляции и культурной идентичности. Большинство исследователей мифа предпочитают подчеркивать неморальность мифа, однако именно социальные регуляторы и образы идентифицируют человека и культуру в контексте актуальной мифологии. Для России особенно остра проблема корней культурной самоидентичности.

Ключевые слова: миф, мифология, нравы, культура, динамика культуры.

Нравам свойственно меняться, они не могут не быть всегда другими, не могут не включать в себя иные, неморальные компоненты, противопоставляющие их осознаваемым в обществе моральным ценностям. Российское общество начала третьего тысячелетия обладает нравами, вобравшими в себя характерные последствия экономического перехода от иерархического распределения к рынку. Вакансии мудрого вождя и самоотверженных руководителей не заняли инструментальные лидеры и целерациональные предприниматели, дефицит искреннего доверия публичности не сменился рациональной легитимностью частных лиц. Традиционное нравственное сочувствие в критериях справедливости — несправедливости не сменилось прагматичным желанием плюрализма, поддерживаемого средствами толерантного социального отбора личностей, институтов, отношений. Потребление стало в российских нравах собственной метафорой, но не в соответствии с моделью Ж. Бодрийера [8], а в качестве само-

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ОЛЬХОВИКОВ Константин Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (ok.mymail@yandex.ru).

ОЛЬХОВИКОВА Светлана Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (ok.mymail@yandex.ru).

© Ольховиков К. М., Ольховикова С. В., 2013